

ВОКРУГ СВЕТА

ДЕКАБРЬ - ЯНВАРЬ
2024 / 2025

М Е С П О

НАСЛЕДИЕ ТИМУРИДОВ
ПОД КУПОЛОМ СУЗДАЛЯ
ЗОЛОТО СКИФОВ

ТИМУРИДЫ
С ПОЛИС

Вверху: Площадь руин древнего городища Афрасиаб – около 200 гектаров

Внизу слева: Скоростной поезд «Афрасиаб» курсирует между главными городами Узбекистана

Внизу справа: Фреска из «Зала послов» в музее городища Афрасиаб. VII век

В Узбекистане говорят, что средневековый завоеватель Тамерлан сделал для этой страны столько же, сколько Петр Великий для России. Что же осталось здесь от наследия империи Тимуридов?

ТЕКСТ: *Сергей Барин*ов

АФРАСИАБ – НОВОЕ ИМЯ, КОТОРОЕ Я УЗНАЛ, КОГДА ГОПОВИЛСЯ К ПОЕЗДКЕ В УЗБЕКИСТАН.

Так звали мифического царя, одного из легендарных героев персидской поэмы Абулькаси́ма Фирдоуси «Шахнаме». Это имя в наши дни дали поезду, который курсирует между главными городами страны: нынешней столицей Ташкентом и исторической – Самаркандом. Тезка легендарного богатыря несет меня через Великую степь. Ровная, как стол, она монотонно катит за окном волны ковыля, обманывая миражами на горизонте. Внезапно впереди показывается оазис – точнее, полумиллионный Самарканд. На подступах к нему нас встречает еще один Афрасиаб – древнее городище, расположенное в северной части современного города. Оно выглядит как скопление лессовых холмов, вокруг которого стоят красивые мавзолеи. Имя Афрасиаб городищу дали в XVII веке в честь все того же легендарного царя.

На выходе из вагона первыми меня встречают волна жары (здесь в начале сентября еще плюс 35–40 °С в тени) и горячий степной ветер, несущий пыль и песок, запахи горелой стерни и нагретого камня. А также толпа местных жителей, желающих немедленно оказать приезжему любезность и отвезти его куда угодно. Поддаваться на эти уговоры не надо: стоит свернуть с центральной площади на соседнюю улицу, и обнаружится, что цены на такси, которые на перроне сравнимы с московскими, там совсем

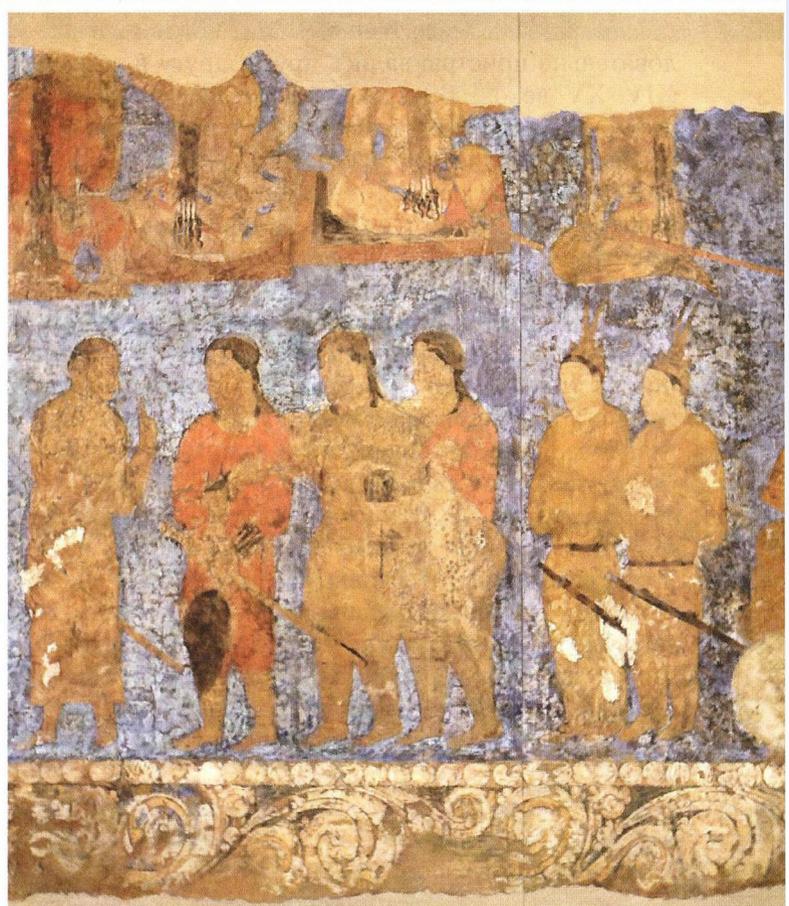
другие, раз в десять ниже. Я собираюсь знакомиться с Самаркандом в хронологическом порядке, поэтому, найдя машину за реальную цену, еду смотреть Афрасиаб изнутри.

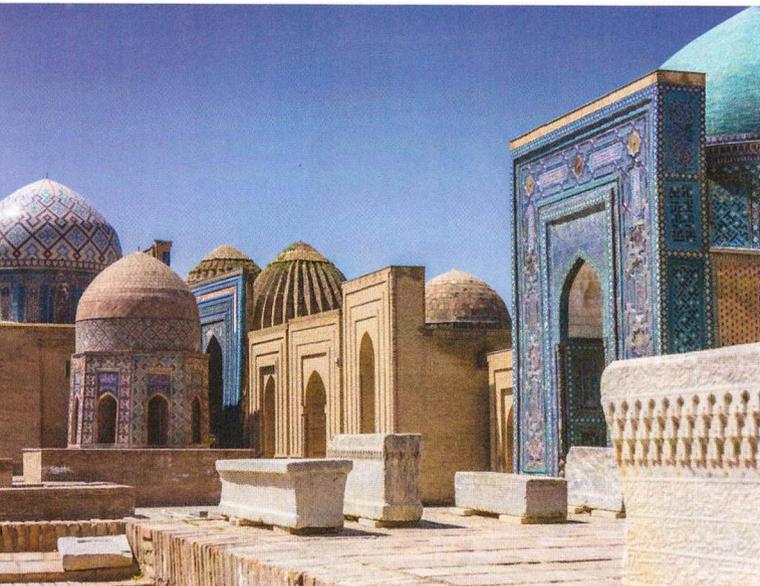
Афрасиаб: знакомство

Город, древнейшая версия Самарканды, существовал здесь почти непрерывно с VI века до н. э. и до 1220 года, когда монгольская орда во главе с самим Чингисханом сровняла его с землей. То, что осталось на этом месте от огромных крепостных стен, легко перепутать с горами: возведенные из сырцового кирпича, они со временем оплыли и поросли травой, – но даже сейчас достигают сорока метров в высоту и охватывают территорию общей площадью 200 гектаров. По периметру этих насыпей рассеяны могилы богатых и влиятельных жителей Самарканды. Я было подумал, что здесь лежат люди из прошлых столетий, но вот на надгробиях 1990-е, а вот даже 2003 год. Кладбище действует!

Европейскую манеру всячески приспособливать серьезный археологический объект под нужды туристов здесь еще не переняли. В этом и плюс, и минус для посетителей. Минус – в отсутствии навигации: каждый бродит как ему вздумается; нет ни маршрутов, ни указателей. Плюс в том, что само историческое наследие не заслонено ярмарками, сценами под открытым небом и летними кафе. Зато есть музей с археологическими находками. Самое поразительное в нем – дивной красоты дворцовые фрески VII века, которые случайно обнаружили советские геологи и топографы 60 лет назад, когда собрались прокладывать через Афрасиаб автомагистраль.

Запустение после разорения Чингисханом длилось здесь 150 лет. Тимур, он же Тамерлан (от персидского Тимур-ленг; «хромой Тимур»), живший

Некрополь Шахи-Зинда появился еще до Тимура и Тимуридов, но при них были построены знаменитые мавзолеи

Самарканд: сады Тамерлана

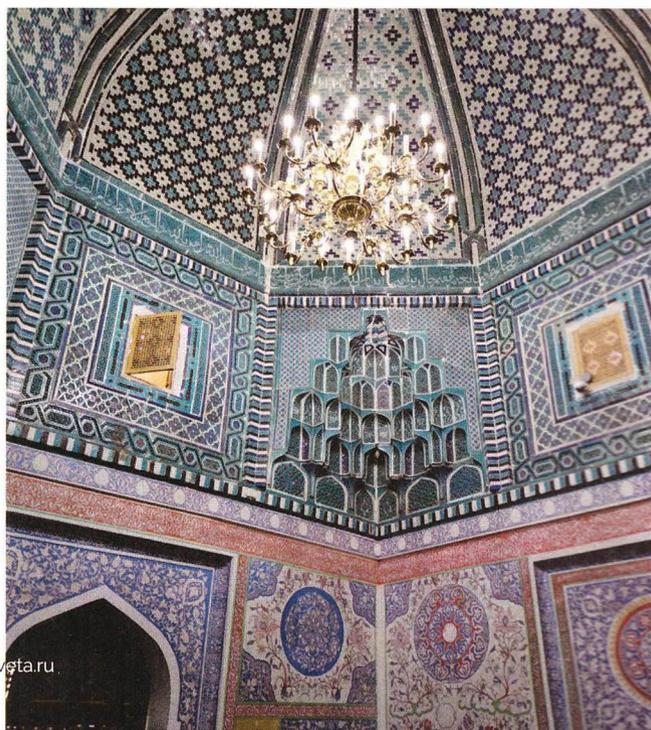
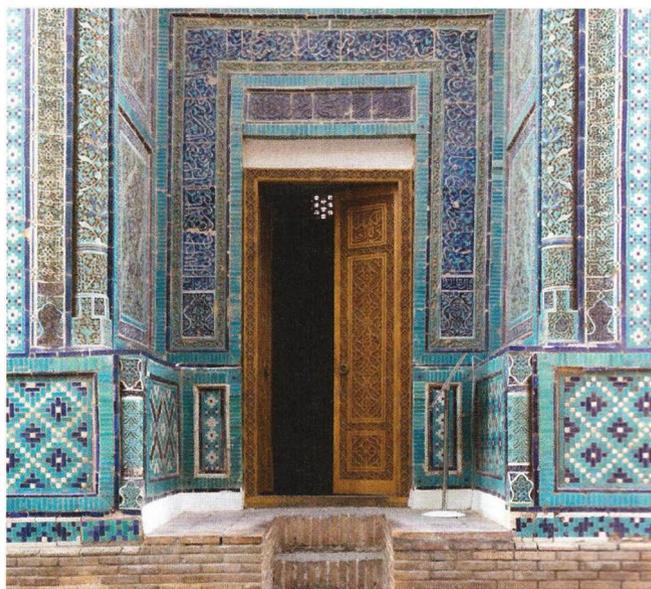
В развитии Самарканда Тамерлан проявил себя как талантливый градостроитель и эффективный сити-менеджер даже по современным меркам. Восстанавливать разрушенную крепость он не стал, а сосредоточился на развитии города в стороне от нее, где исторически жили торговцы и ремесленники. От Афрасиаба до центра я иду по улице имени Ислама Каримова, первого президента Узбекистана, – и останавливаюсь перед шедевром Тамерланова зодчества: мечетью Биби-Ханум. Ее эмир и построил, и назвал в честь любимой жены. Это самый крупный религиозный комплекс в Центральной Азии: большая мечеть и две малые, минареты и огромный портал. В истории

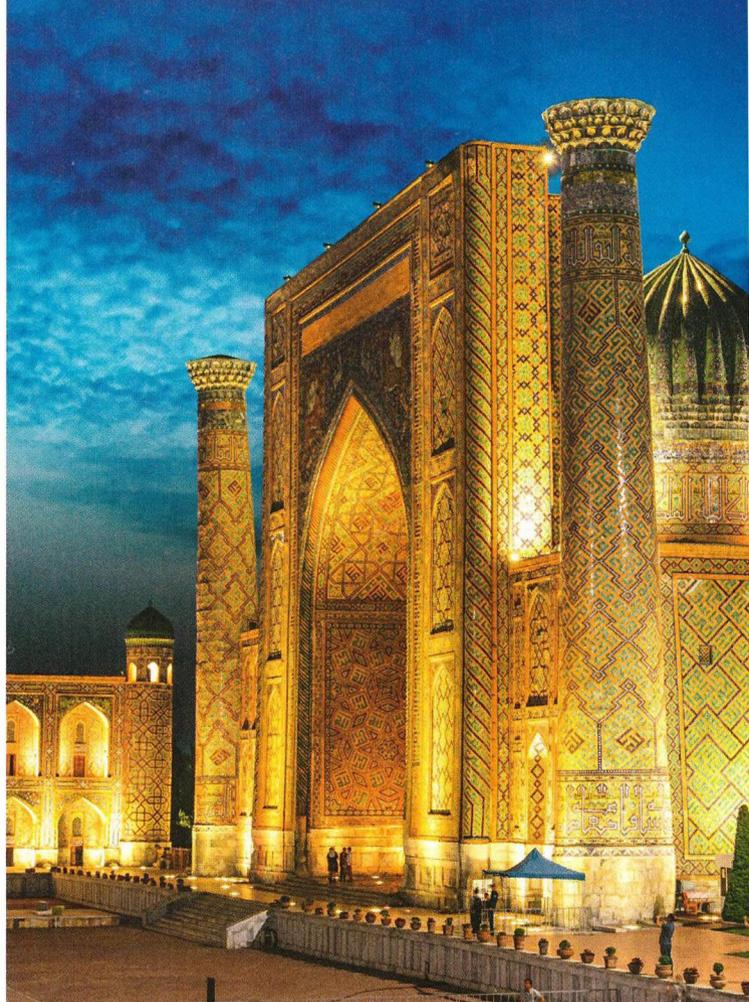
в XIV веке тюркско-монгольский полководец, объединил под своей властью огромную империю, а Самарканд, сместившийся от руин вбок, сделал ее столицей. Благодаря ему начался новый расцвет города. Тимуриды, потомки завоевателя, использовали заброшенное городище как место упокоения родственников и вельмож. На небольшой площади стоят 11 мавзолеев комплекса Шахи-Зинда, которые последовательно пристраивались друг к другу в течение XIV–XV веков. Внутри каждого здания прохлада и тишина, и нужно нешуточное усилие воли, чтобы выйти наружу – навстречу жаре, дальнейшей культурной программе и продавцам сувениров с их уговорами купить что-нибудь на память. Соглашаюсь на металлический браслет в цветах этого места: лазурь и солнце. Размышляю о парадоксе: Тамерлан, возродивший роскошь и величие Самарканда – именно то, что разрушил Чингисхан, – считал себя последователем этого завоевателя. Поскольку право именоваться великими ханами было только у Чингизидов, Тамерлан носил титул эмира, но смог породниться с ними через брак.

– Тимур вполне последовательно подражал ранним Чингизидам, – рассказывал мне знакомый историк и религиовед Александр Блехер. – Его задачей было повторить их «подвиг», но на базе своих соязычников – то есть с опорой на тюркское население. Тимур пытался перепрошить территорию бывшей Монгольской империи Чингизидов под тюрков.

Мавзолеи Шахи-Зинда славятся лазоревыми керамическими мозаиками

Здесь, по преданию, похоронен двоюродный брат пророка Мухаммеда, Кусам ибн Аббас

Фасад медресе Тилля-Карри (XVII в.).

Медресе Тилля-Кари и Улугбека. Площадь Регистан в Самарканде.

строительства этого портала – весь характер Тамерлана. Вернувшись из похода, полководец решил, что сооружение получается недостаточно большим, велел снести его и казнить того, кто отвечал за стройку. После чего Тимур, будучи уже смертельно больным, приказывал доставлять его сюда на носилках и швырял рабочим деньги и куски вареного мяса, чтобы люди трудились день и ночь. Новый портал успели закончить в последний год жизни Тамерлана.

Улица Ислама Каримова приводит меня на площадь Регистан – в сердце Самарканда. Зной начинается спадать, горожане и туристы стекаются под сень деревьев, высаженных по периметру. Прямоугольную в плане площадь обступают еще три прямоугольника: великолепные медресе, старшее из которых построено при внуке Тимура, эмире Улугбеке. Мозаичные порталы и фасады – тоже прямоугольные; высокие минаре-

ты; идеальные пропорции. Помогаю сориентироваться пожилой паре – они оказываются итальянцами. Услышав английскую речь, подходит еще одна чета – уже из Германии. Наследие величайшей азиатской державы привлекает и европейцев.

– Тимур для нас примерно то же, что Петр Великий для россиян. Основатель, строитель империи, который сделал тюрк, находившихся где-то на периферии, известными и приобщил нас к мировой культуре, – вспоминаю я рассказ гида в Государственном музее истории Тимуридов в Ташкенте. – Тимур вез в столицу со всех покоренных земель лучших архитекторов, художников, резчиков и каменотесов того времени. По деятельности Тимура очевидно, что надлежащие выводы из истории монгольских завоеваний он сделал. Жестоко покоряя другие народы, эмир с самого начала заботился о процветании тюркского ядра своей империи.

ТАМЕРЛАН
ОКАЗАЛСЯ ТАМАНПЛИВЫМ
СИПИ-МЕНЕДЖЕРОМ

Сад дворца Ситорай Мохи Хосса – настоящий оазис на окраине Бухары

Исторический центр Бухары с минаретом
Калян и медресе Мири Араб на закате

– Поэтому Тимура воспринимали очень по-разному, – говорил мне Александр Блехер. – Для Золотой Орды он был крушителем всего: из-за противостояния с ним Сарай, последняя цитадель старой Чингизовой крови, запустел окончательно. А для тюркского населения Центральной Азии он, напротив, отец-основатель, который построил прекрасные памятники, развил этот край и создал новую модель власти, опирающуюся на локальные культуры.

В Узбекистане, особенно в Самарканде, отношение и к самому эмиру Тимуру, и к его наследию трепетное. Несмотря на тяжелый экономический кризис 1990-х, три памятника Тамерлану открыли в первые же годы после обретения страной независимости: в центре Ташкента; в Шахрисабзе, где Тамерлан родился, и в Самарканде – неподалеку от мавзолея Гур-Эмир, к которому я иду, насмотревшись на Регистан.

Гур-Эмир – последний архитектурный проект Тамерлана: распоряжение о строительстве было отдано в том же 1404 году, когда переделывали портал Биби-Ханум. Я выбрал, кажется, лучшее время, чтобы полюбоваться на мавзолей. Стремительный южный вечер бросает закатные лучи на стены песочного цвета, делая их на короткое время терракотовыми. Мавзолей находится в самом центре города, как будто великий полководец и строитель и после смерти хотел контролировать развитие своего детища.

Самарканд был главным выгодополучателем от всех завоеваний Тимура. Эмир не только затевал в нем великие стройки в исполнении лучших специалистов со всей империи. Занимался Тимур и городским благоустройством. Известны легендарные 14 садов, которыми он окружил Самарканд; этакий защитный лесопарковый пояс. Степь – это не только зной, но и почти круглогодичный ветер, который летом забивает рот и глаза песком, а зимой – снегом. Благодаря паркам Самарканд был избавлен от этой постоянной пытки. Потом идею воспроизводили, например, советские градостроители. В генеральном плане реконструкции Москвы 1935 года было предусмотрено создание кольцевого лесопаркового защитного пояса вокруг

города. Остатки его сохранились и сегодня: Ботанический сад, Химкинский лес, Лосиный остров, Сокольники, Битцевский лес, Воробьевы горы...

Тимур занимался и брендингом территории. Он переименовал соседние с Самаркандом поселения в честь крупнейших городов Востока: Багдад, Шираз, Дамаск, Миср. Таким образом он поднял статус Самарканда как бриллианта в оправе других драгоценных камней. Этим приемом потом пользовались американцы, называвшие свои городки в честь европейских столиц.

Часть садов Тамерлана располагалась непосредственно в городской черте Самарканда. Это были четкие прямоугольники со стороной примерно в километр, разделенные на четыре части каналами с водой, с дворцом эмира в середине и минаретами по четырем углам глинобитных стен (дувалов), огораживающих парк. При этом в сады пускали простых горожан, что для жесткой социальной иерархии азиатской империи XIV–XV веков особенно удивительно. Тамерлановы сады не сохранились, но традиция живет рядом с Гур-Эмиром. За спиной памятника завоевателю – Университетский бульвар, популярнейшее место у студентов. Как и городские сады Тимура, он километровой длины. От него отходит еще один «зеленый» прямоугольник: Центральный парк имени Навои. До темноты я брожу по длинным аллеям среди фонтанов, деревьев и винограда, свисающего с деревянных каркасов прямо в центре города.

Бухара: стены и жара

«Афрасиаб» домчал меня из Самарканда в Бухару менее чем за час. Город появился перед глазами, словно вылепившись из тех же лессовых суглинков и ковыля, из которых сделана сама степь.

Бухара возвеличилась куда раньше Самарканда, но вниманием Тимура была обделена. Такого активного строительства, как в столице, он не затевал, лишь восстановил несколько мечетей. Не было здесь и обилия городских садов – и эта особенность, похоже, пережила века. Войдя в исторический центр, я попадаю в сплошной массив камня и глины, где очаги зелени присутствуют лишь во дворах за глинобитными заборами. Это вообще типичный ближневосточный город, в котором вся жизнь, как и 700 лет назад, происходит за высокой оградой, подальше от любопытных глаз.

В переулках шириной ровно в один «Хендай Солярис» (которые умудряются там ездить, бог весть как они это делают) от жара нагретых камней к полудню

трудно не то что идти – даже дышать. Кое-как добираюсь до гостиницы. Вхожу во двор, окруженный стенами из сырцового кирпича. В тени от виноградной лозы на пестром топчане отдыхает хозяйка.

– Жарко? – участливо интересуется она.

САДЫ ТАМЕРЛАНА ЗАЩИПИЛИ ГОРОЖАН ОП ЗНОЯ И ВЕПРА

Бабур руководит устройством «Сада верности» в Кабуле. Иллюстрация ок. 1590 года

Индийская версия

● Прапраправнук Тамерлана Бабур покорил северную Индию и основал там новую династию Бабуридов. Европейские путешественники с XVII века называли ее по-другому: Великие Моголы. Погода на севере Индии с октября по апрель напоминает Самарканд и Бухару: очень сухо, и температура достигает 40 °С в тени. И именно Бабуриды, наследуя традициям Тамерлана, стали строить там загородные дворцы с садами, чтобы спастись от иссушающего зноя. А поскольку Индия во влажный сезон получает гораздо больше дождей, чем Центральная Азия, то Бабуриды довели эту традицию до предела и свои резиденции располагали прямо посреди рек.

– Очень! – честно отвечаю я. – Такой красивый город, но совершенно нечем дышать!

– Наш город надо смотреть ближе к закату, когда жара спадет. А пока поезжайте лучше во дворец, он совсем рядом с городом. Там есть что посмотреть и гораздо прохладнее.

Ситораи Мохи Хосса – «Дворец, подобный звездам и луне», загородная резиденция бухарского эмира, выстроен на рубеже XIX и XX веков. Такие резиденции стали возводить по примеру Тимура, ведь у него был свой аналог Петергофа – сады с дворцами, которые располагались недалеко от города. Аналоги современных ландшафтных парков, вписанные в естественный рельеф; благодаря орошению из рек и каналов это были настоящие оазисы в сухой степи.

Зайдя в дворцовый сад, я словно попадаю в другой мир. Повсюду тень. От фонтанов и арыков веет прохладой и дедушкиным огородом. Водоемы заботливо наполняются из многочисленных шлангов. Прогуливаются флегматичные павлины, периодически издавая душераздирающие вопли.

Дворец из сырцового кирпича строили местные мастера и русские инженеры. В нем всего два этажа – зато есть великолепные крытые веранды с ростовыми окнами и цветными витражами. А внутри бывшего дворца – музей с выставкой достижений эмирского хозяйства, включая гордость Узбекистана: ковры. В центр я возвращаюсь, когда начинает спадать зной.

Узбекистан

Площадь	448 900 км ²
Население	ок. 37 420 000 чел.
Расстояние от Москвы до Ташкента	ок. 2800 км

Обхожу архитектурные достопримечательности, в том числе медресе Улугбека. Внук Тимура, правитель-астроном, уделял внимание и Самарканду, и Бухаре. На закате осматриваю древнейший памятник города: огромную цитадель Арк, укрепленную Улугбеком и выдержавшую много осад и штурмов.

Любуясь видом с крепостной стены, думаю: как же странно вышло. Самарканд, город воинов и эмиров, отстроенный правителем-завоевателем, не сохранил ни одной крепости и встречает негой бульваров и фонтанов. А Бухара, город купцов и роскоши, предстает кирпичным монолитом с огромной твердыней в центре. 🌐

Крепость Арк, древнейший памятник Бухары, основали еще до нашей эры